

О.А. Богданова (Москва)
ORCID ID: 0000-0001-7004-498X

**МОТИВ «УТВЕРЖДЕНИЯ ЗЕМЛИ»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1917-1920-Х ГГ.:**
Статья первая

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН
DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00021

Аннотация. На материале художественной прозы, поэзии и эссеистики Д.С. Мережковского, С.Н. Булгакова, Г.И. Чулкова, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, А.М. Ремизова, С.Н. Дурылина, М.А. Волошина и др. в статье рассмотрена одна из важнейших модификаций мотива «утверждения земли» в русской литературе революционных лет (1917–1920-е гг.) – упование на ее спасительную роль по отношению к предавшему, по мнению названных авторов, свое Отечество русскому народу. Показано, как в результате произошедшего в огне революции 1917 г. сдвига в русской национальной картине мира, обусловленного разрывом отождествлявшихся столетиями понятий «земля» и «народ», именно «земля» стала главной носительницей «святости» как национальной идентичности. В виду «недостойства» народа в эпоху русской катастрофы (Первой мировой войны, победившей революции и Гражданской войны), центр тяжести в составе понятия о родине, России, переместился на другую его составляющую – землю, «святость» которой теперь нуждалась во все большем обосновании и утверждении. Чем бледнее становилась мысль о «богоносности» народа, тем ярче обнаруживалась в русской литературе 1900–1910-х гг. убежденность в «святости» родной земли. В 1916 г. «вечный» образ «Святой Руси» впервые отобразился в православной церковной гимнографии. В 1918 г. в службу всем русским святым была внесена знаменитая стихира: «Русь святая, храни веру Православную <...>». В связи с этим в ряде литературных текстов рассмотрены смежные мифологемы «Святой Руси» и «Невидимого града Китежа», получившие особую сотериологическую актуальность в период радикальной ломки, опасной для самого существования исторической России.

Ключевые слова: мотив «утверждения земли»; «грех земле»; народ; революция 1917 г.; «Святая Русь»; Россия; «Невидимый град Китеж».

О.А. Bogdanova (Moscow)
ORCID ID: 0000-0001-7004-498X

Motive of “Allegations of the Land” in Russian Literature of 1917–1920th
(Article I)
DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00021

Abstract. On the fiction prose, poetry and essay by D.S. Merezhkovsky, S.N. Bul-

gakov, G.I. Chulkov, I.A. Bunin, M.M. Prishvin, A.M. Remizov, S.N. Durylin, M.A. Voloshin etc. the article considers one of the most important modifications of the motive “allegations of the land” in Russian literature of the revolutionary years (1917–1920th) – trust in its saving power against the betrayed his country, according to the mentioned authors, Russian people. It is shown how in the aftermath in the fire of the 1917 revolution, the shift in Russian national picture of the world, due to rupture of similar for centuries concepts of “land” and “people”, that “land” became the main bearer of “Holiness” as a national identity. In view of the “unworthiness” of the people in the era of the Russian disaster (the First World war, the victorious revolution and the Civil war), the center of gravity in the composition of the concept of the Motherland, Russia, moved to the other of its component – the land, which “holiness” was needed in a growing justification and approval. The paler became the idea of a “God-bearing” people, the brighter were found in Russian literature of 1900–1910s the belief in the “holiness” of his native land. In 1916, the “eternal” image of “Holy Russia” was finally displayed in the Orthodox Church hymnography. In 1918, in divine service to all Russian saints was added famous verse: “Holy Russia, keep the Orthodox faith <...>”. In this regard, in a number of literary texts considered related mythologems “Holy Russia” and “Invisible city of Kitezh”, received a special soteriological relevance in the period of radical breaking, dangerous to the very existence of historical Russia.

Key words: motive of “allegations of the land”; “sin to the land”; the people; the revolution of 1917; the “Holy Russia; Russia; the “Invisible city of Kitezh”.

В предыдущих работах автора настоящей статьи [см.: Богданова 2013; Богданова 2015] был обозначен и осмыслен семантический диапазон понятия «земля» в литературе конца XIX – первой трети XX в. Основное внимание в них было уделено полюсу «отрицания земли». Теперь настало время обратиться к противоположному полюсу – «утверждения земли».

Бытование названного мотива в русской литературе рубежа XIX–XX вв., с одной стороны, связано с неоязыческими влияниями: во-первых, предпринятой в ряде произведений Серебряного века реконструкцией славянского языческого мифа (в поэзии и прозе К.Д. Бальмонта, С.М. Городецкого, С.А. Есенина, А.М. Ремизова, музыке И.Ф. Стравинского, живописи Н.К. Рериха, И.Я. Билибина и др.) [см.: Кузнецова 2007; Моисеева 2012; Сулова 2017]; во-вторых, с рецепцией популярнейшего в эти десятилетия Ф. Ницше и его настойчивым призывом: «оставляйтесь верны земле <...>» [Ницше 1996, II, 8]. С другой стороны, в эти годы наблюдается актуализация христианских коннотаций мифологемы «Святой Руси» («своятой русской земли»), активно разрабатывавшейся в живописи М.В. Нестерова, В.М. Васнецова, музыке С.В. Рахманинова, А.Т. Гречанинова, эссеистике Вяч.И. Иванова, В.Ф. Эрн, Н.А. Бердяева, поэзии М.А. Волошина, Н.А. Клюева, прозе А.М. Ремизова, Б.К. Зайцева, А.Н. Толстого, С.Н. Дурылина и др. Одним из проявлений мотива «утверждения земли» в революционную эпоху (1917–1920-е гг.) стало упование на ее спасительную силу по отношению к предавшему свое Отечество русскому народу (Д.С. Мережковский, С.Н. Булгаков, Г.И. Чулков, Д.Е. Аркин, М.М. При-

швин, И.А. Бунин, А.М. Ремизов, С.Н. Дурьлин, М.А. Волошин и др.) и в связи с этим – все более настойчивое обращение к мифологемам «Святой Руси» и «Невидимого града Китежа».

До XVI в., писал А.В. Карташев, понятие «Святая Русь» можно найти лишь в фольклоре: былинах, духовных стихах, исторических песнях, – и только с принятием официальной доктрины «Москва – Третий Рим» оно пришло в книжную письменность [Карташев 1956, 29-30]. Причем, как считает В.В. Лепяхин, укорененная в русском народе «идея Святой Руси в некотором смысле была присвоена сторонниками идеи Третьего Рима» [Лепяхин 2018] для религиозного оправдания роста российской государственности. Одним из следствий стала сквозящая двойственность и неоднозначность образа Святой Руси: с одной стороны, отождествление с земельными владениями российского самодержавия как наследника византийского «единого православного царства» [Карташев 1928, 144], с другой – привязка в священной топографии: «ра[ю], Иерусалим[у], всей Палестин[е], Константинопол[ю] <...> други[м] святы[м] мест[ам] ветхозаветной и новозаветной истории и, наконец, святы[м] мест[ам] собственной христианизированной земли <...>» [Лепяхин 2018]. При новом открытии Святой Руси в XIX в. ее семантическая парадигма обогатилась хилястическим мотивом «рая на земле» (в поэзии Ф.И. Тютчева, Вяч.И. Иванова, Н.А. Клюева, С.А. Есенина, в живописи М.В. Нестерова и др.). Ф.М. Достоевский, по совокупной мысли Вяч.И. Иванова, С.Н. Булгакова, Б.М. Энгельгардта, Г.П. Федотова, Л.А. Зандера и др., внес в понятие Святой Руси софиологический смысл [см.: Зандер 1960], вскоре развитый авторами Серебряного века. Что касается Града Китежа, то «этот “вечный образ” мифа актуализирует целый культурный пласт. В этом ряду – сюжет древнерусской повести о деве Февронии, опера Н. Римского-Корсакова “Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии”, “Слово о погибели русской земли” А. Ремизова, поэтические произведения Н. Клюева, М. Цветаевой, В. Хлебникова, Ф. Сологуба, М. Кузмина, А. Ахматовой, а также полотна художников – В. Васнецова и Н. Рериха» [Бурдина 2018].

Для обоснования и развития дискурса об отмеченной модификации мотива «утверждения земли» в интересующий нас период необходимо конспективно вернуться к уже высказанным ранее идеям и наблюдениям [подробнее см.: Богданова 2017 б, 247–258]. Речь пойдет о произошедшем в огне революции 1917 г. разрыве понятий «земля» и «народ», которые в русской культуре отождествлялись в течение столетий. Деконструкция концепта «народ» («русский народ») постепенно превращала его в лишенный семантической сердцевины симулякр вроде «союза рабочего класса и крестьянства» или «многонационального советского народа». Вполне возможно, однако, что обнаруженная черта связана не только с уникальной историей России, но и с общемировыми процессами XX в. З. Фрейд, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет и др. многократно указывали на происходившую на их глазах трансформацию исторических культурных народов в безликую массу, управляемую тоталитарными вождями. Свои пер-

вые социально-политические плоды массовизация в ряде европейских стран, в том числе и в России, стала приносить как раз в конце 1910-х гг. Н.А. Бердяев, к примеру, отмечал, что в период Первой мировой войны и последовавшей за ней революции «в России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц», причем этот «новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставля[л]ся из рабоче-крестьянской среды <...>» [Бердяев 1990, 101].

Вплоть до событий 1917–1918 гг. тысячелетняя традиция отождествления земли и населявшего ее народа в русской культуре оставалась актуальной, несмотря на то, что ореол «богоносца» русский мужик стал терять еще в творчестве писателей-народников последней трети XIX в., а после революции 1905–1907 гг. этот процесс только усилился. О происхождении первого человека из «праха земного» (Быт. 2, 7) повествует Библия, базовый прецедентный текст русской культуры. Почитание земли – Деметры – в древности процветало в эллинском язычестве, составляя суть Элевсинских мистерий, оказавших огромное влияние на материнскую для Руси культуру Византии. Для древнерусского народно-языческого сознания «земля воплощала <...> не только образ матери человека, но и весь род как единство живых и уже отошедших в мир иной. <...> Лежащие в земле предки как бы сливались с нею, становились ее частью» [Топорков 1995, 194]. По В.И. Далю, главное значение слова «народ» – «люди, народившийся на известном пространстве» [Даль 1989, II, 461].

Таким образом, отождествление земли и народа веками проникало в русскую литературу через Библию, византийскую книжность и фольклор. В XIX в. оно бытовало у славянофилов и «почвенников». Так, для Ф.М. Достоевского «почва» – «все, что родит и роднит: народ, родина, родная речь, родная земля. Их объединяет тайна России» [Захаров 2012, 21]. Присутствует оно и у многих литераторов рубежа XIX–XX вв., например, в статье А.А. Блока «Стихия и культура» (1908). Здесь о людях из народа сказано: «Земля с ними, и они с землей, их не различить на ее лоне, и кажется порою, что и холм живой, и дерево живое, и церковь живая, как сам мужик – живой» [Блок 2010, 94]. Мережковский в эссе «Грядущий Хам» (1905), говоря о трех началах «духовного благородства», противостоящих «трем лицам» Грядущего Хама, в качестве первого называет, как одно целое, землю и народ – «живую плоть <...> России» [Мережковский 2004, 25].

Иная картина – в романе Мережковского «14 декабря» (1918), писавшемся по следам революционных событий в России. Герою произведения декабристу Валериану Голицыну открывается, что его молодая жена Маринька земная и небесная одновременно, в ней Мать Божия и мать-земля. Автор религиозно-революционного «Катехизиса» Сергей Муравьев-Апостол, чье мировоззрение Мережковский разделял, говорит перед казнью своему другу Голицыну «о Земле Пречистой Матери», а также о том, что Россию спасет «Христос и еще Кто-то» [Мережковский 1990, 233, 245], целую напоследок не только священнический крест, но и землю.

Муж Мариньки читает в дневнике Муравьева-Апостола о предательстве народом дела религиозной революции. Под этим впечатлением он в отчаянии решает: «<...> и гибнуть нечему: никакой России нет и не было» [Мережковский 1990, 254]. Но вспомнив о Мариньке и стоящих за ней символических образах, понимает, о Ком говорил казненный декабрист, – «Россию спасет Мать» [Мережковский 1990, 258]. Итак, по мысли автора «14 декабря», Россия выживет, потому что она больше населяющего ее народа, она еще и земля. В опыте восстания Черниговского полка его командир Муравьев-Апостол понял: «<...> для русского народа вольность значит буйство, распутство, злодейство, братоубийство неутолимое; рабство – с Богом, вольность с дьяволом»; «страшен царь-Зверь, но, может быть, еще страшнее Зверь-народ»; «Зверь идет. <...> Россия гибнет <...>» [Мережковский 1990, 229, 234]. Лучшие герои революционного романа Мережковского не сомневаются: для Христа необходимо «убить Зверя» [Мережковский 1990, 162–163]. В контексте 1917–1918 гг., когда монархия в стране уже была свергнута, это можно понять только так: ради сохранения России как земли нужно уничтожить предавший ее народ... [Подробнее см.: Богданова 2017 а, 172–189].

В открывшемся ему в ходе революционных событий 1917 г. распадения единства земли и народа Мережковский не был одинок. Например, в «современных диалогах» С.Н. Булгакова «На пиру богов. Pro и contra» (1918), где отмечалось «оподление целого народа», «загуб[ившего] и опоган[ившего]» собственную страну [Булгаков 1991, 314], один из их участников, Писатель, так выражал надежду на будущее воскресение родины: «<...> русская земля <...> спасет русский народ, по ней стопочки Богородицыны ступали...» [Булгаков 1991, 353].

По мнению Г.И. Чулкова в статье «Достоевский и судьба России» (1918), «правда» Ф.М. Достоевского, которой может быть исцелен трагизм мира, это «правда о земле, земле живой и в существе своем святой – той земле, которую целовал Алеша после кончины старца Зосимы...». Другими словами – о «Святой Руси», или, по Чулкову, «Христове» социализме [Чулков 2000, 394, 389, 400]. При этом революционный народ в рассказе писателя «Красный жеребец» (1921–1922) очевидно одержим бесовской силой. Так, во время грабежа помещичьей усадьбы, вместо разумного дележа полезного барского имущества, в том числе лошадей, крестьяне поддаются разрушительному стремлению «весь мир поджечь»: в разгар вакханалии Трифону, главарю мужиков, «показалось, что кто-то черный, лохматый положил ему лапу на плечо» [Чулков 1999, 600, 602]; а подожженный грабителями с изуверской жестокостью породистый жеребец Султан Третий, становясь олицетворением гражданской войны в России, символизирует второго апокалипсического коня (см.: Откр. 6, 3-4). Осваивая «реализм в высшем смысле» любимого им Достоевского, Чулков в этом рассказе, подобно автору «Преступления и наказания», создает словесную икону [см.: Касаткина 2004, 223–300] в соответствии с известной в русском церковном искусстве иконографией «Архангел Михаил – грозных

сил воевода»; в чулковском тексте отчетливо различаются ее детали: труба, красный конь, горящие здания внизу. Апокалипсический сюжет, просвечивающий в «Красном жеребце», таков: архангел мчится на огненном крылатом коне, его труба возвещает победу над Сатаной в небесах, однако побежденный Сатана низвергнут в земной мир, где и властвует до срока, сея смерть и разрушение (см.: Откр. 12, 7-17).

Публицист кадетского журнала «Народоправство» Д.Е. Аркин в статье под названием «Любовь к земле» (1918) писал: «Вглядываясь в сущность событий, ныне свершающихся в России, мы подмечаем, как главенствующую черту их духовного облика, – поразительное *ослабление чувствования земли в русском сознании*» (курсив Д.Е. Аркина), что выразилось в «трактовке ее не как божественной стихии жизни, а как бездушного объекта экономики», в «земельном захвате». В итоге «землю, которую русский народ любил с такой страстью, с такой нежностью, с такой тоской и верой, он любит теперь любовью насильника, видящего только тело, к которому он вожделеет» [Аркин 1918, 16–17].

О том же свидетельствуют произведения М.М. Пришвина революционных лет: «Дневник» 1918 г., повесть «Мирская чаша» (1922) и др. В рассказе «Адам» (1918) писатель обрисовал судьбу разоренной окрестными крестьянами помещичьей усадьбы Колодези. Этот прекрасный, любовно возделанный многими поколениями русских людей уголок родной земли, напоминавший первозданный рай, в одночасье превращен безжалостными грабителями в место «последнего оголения, до первой глины, из которой слеплен был человек» [Пришвин 1982, 621]: «парк вырублен до последнего дерева, и склон, на котором он рос, теперь оказался оврагом. Нет следа на том месте, где на черном дворе стояла людская, конюшни, амбары, нет служб на красном дворе, и дома нет <...> весенние птицы – гнездовики этой усадьбы, – прилетая, вьются над пустым местом и, не узнавая его, пролетают неизвестно куда» [Пришвин 1982, 621–622]. А ведь «русская земля» – это не просто участок суши с определенными географическими координатами, это прежде всего память, традиция, это культурный слой с могилами предков и следами их деятельности по превращению когда-то «пустой» земли в пашни, города, сады, подобие рая. Пришвинская мысль очевидна: крестьяне-грабители предали родную землю, тот высший смысл, который в ней жил. Так, например, один из мужиков-«Косычей» хохотал над драгоценным трюмо из красного дерева, в котором когда-то отражалась культурная жизнь владельцев усадьбы: «Вот раньше барыня смотрелась, а теперь кобыла!», «Вот раньше барыня смотрелась, а теперь сука!». А потом «взял кирпич, ударил в зеркало. Взял другой и еще ударил – все разбил в мелкие кусочки» [Пришвин 1982, 622]. Теперь это совсем другой народ, так называемый «второй Адам», самозванно пришедший к «делегу» намного позже получившего из Божьих рук землю «первого Адама» – народа, который обустроивал русскую землю в течение веков.

Те же мотивы – в дневниках и художественной прозе И.А. Бунина революционной поры. Противопоставление прекрасной земли и «ужасных»

мужиков и баб проходит через весь «Дневник 1917–1918»: в окна усадебного дома льется «радостный и яркий солнечный свет», «глядит зеленая густота сада, блестящая под солнцем своей несметной листвой», виднеется «деревенская даль: слегка синеватый на горизонте вал леса, желтизна уже скошенных и покрытых копнами полей», «раскинувшееся по склону к мелкой речке поместье <...>», ночью – «луна над морем ржей» «в рост человека», «звезды мерцают, <...> затаив дыхание»...; и здесь же – «мерзейший, дикий и вульгарно-злой народ» отмеченный «самоуверенностью, глупостью и невежеством» в стремлении разрушить все прекрасное, сотворенное на русской земле природой и культурой, – рубит леса, жжет сады и громит усадьбы, сворачивает головы павлинам, бывших офицеров водит босиком по битому стеклу и т.п. [Бунин 2006, IX, 191, 189, 201, 207]. Посвященный впечатлениям о пореволюционной России рассказ «Несрочная весна» (1923) также пронизан антитезой между «полевой тишиной, лесной глушью, запахом берез, цветов, вечерней свежестью» земли, всем «этим <...> святым, чистым безмолвием, закатывающимся за лесом солнцем, далью, пролетом в просеке, горькими и свежими ароматами, сладким холодком зари» и «сбродом самой низкой черни», зловонной, безобразной и злобно-преступной, которая стала хозяйкой «так называемой новой жизни» [Бунин 2006, IV, 216, 209, 215].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркин Д.Е. Любовь к земле // Народоправство. 1918. № 23–24. 1 февр. С. 15–17.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. Блок А.А. Стихия и культура // Блок А.А. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 8. М., 2010. С. 90–96.
4. Богданова О.А. Концепт «земля» в творческом сознании Ф.М. Достоевского и культурных деятелей Серебряного века (Д.С. Мережковского, А.А. Блока, Вяч.И. Иванова, Ф. Сологуба, А. Белого, Г.И. Чулкова) // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. М., 2013. С. 101–110.
5. Богданова О.А. Мотив «отрицания земли» в критике и прозе русских символистов // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М., 2015. С. 239–255.
6. (a) Богданова О.А. Новые референции концепта «земля» в русской литературе революционных лет (1917–1920-е) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 247–258.
7. (b) Богданова О.А. «14 декабря» Д.С. Мережковского как роман о русской революции 1917 года // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 2. С. 172–189.
8. Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 290–353.
9. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 2006.
10. Бурдина С.В. Мифологема Китежа в поэзии начала XX века: новые грани интерпретации // Филологические заметки. 2010. Т. 1. С. 16.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2.

И–О. М., 1989.

12. Зандер Л.А. Земля благая // Зандер Л.А. Тайна добра (Проблема добра в творчестве Достоевского). Франкфурт-на-Майне, 1960. С. 31–62.
13. Захаров В.Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеология // Проблемы исторической поэтики. Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 7. Петрозаводск, 2012. С. 14–24.
14. Карташев А.В. Судьбы «Святой Руси» // Православная мысль. Труды Православного Богословского института в Париже. Вып. 1. Париж, 1928. С. 134–156.
15. Карташев А.В. Возрождение Св. Руси. Париж, 1956.
16. Касаткина Т.А. О творческой природе слова: онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004.
17. Кузнецова Е.В. Мир древних славян в культуре Серебряного века: научно-философская рефлексия и художественная практика: автореф. дис. ... к. культурологии: 24.00.01. Киров, 2007.
18. Лепяхин В.В. Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные, историософские категории Святой Руси // Интернет-журнал Срегенского монастыря. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/050618142237.htm> (дата обращения 12.01.18).
19. Мережковский Д.С. 14 декабря: роман // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М., 1990. С. 5–258.
20. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М., 2004. С. 4–26.
21. Моисеева А.А. Реконструкции славянских мифов в поэтических циклах К. Бальмонта, С. Городецкого, А. Кондратьева // Филологические заметки. 2012. Т. 1. С. 177–181.
22. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 5–237.
23. Топорков А.Л. Земля // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995. С. 192–195.
24. Пришвин М.М. Адам: рассказ // Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М., 1982. С. 615–622.
25. Сулова И.Б. Славянский миф в литературе и искусстве Серебряного века – этико-педагогический экскурс // Вестник Университета РАО. 2017. № 1. С. 8–14.
26. Чулков Г.И. Красный жеребец: рассказ // Чулков Г.И. Годы странствий. М., 1999. С. 590–602.
27. Чулков Г.И. Достоевский и судьба России // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 15. СПб., 2000. С. 389–407.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. (a) Bogdanova O.A. Novye referentsii kontsepta “zemlya” v russkoy literature revolyutsionnykh let (1917–1920-e) [New References of the Concept “Land” in Russian Literature of Revolutionary Years (1917–1920)]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2017, vol. 62, no. 2, pp. 247–258. (In Russian).
2. (b) Bogdanova O.A. “14 dekabrya” D.S. Merezhkovskogo kak roman o russkoy revolyutsii 1917 goda [“14 of December” by D.S. Merezhkovsky as a Novel about the Russian Revolution of 1917]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 172–189. (In

Russian).

3. Burdina S.V. Mifologema Kitezha v poezii nachala 20 veka: novye grani interpretatsii [The Myth of Kitezha in the Poetry of the Early 20 Century: New Ways of Interpretation]. *Filologicheskie zametki*, 2010, vol. 1, p. 16. (In Russian).

4. Lepakhin V.V. Ikonichnyy obraz svyatosti: prostranstvennyye, vremennyye, religioznye, istoriosofskie kategorii Svyatoy Rusi [Iconic Image of Holiness: Spatial, Temporal, Religious, Historiosophical Categories of Holy Russia]. *Internet-zhurnal Sretenskogo monastyrya* [The Online Magazine of the Sretensky Monastery]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/050618142237.htm> (accessed 09.02.2018). (In Russian).

5. Moiseeva A.A. Rekonstruktsii slavyanskikh mifov v poeticheskikh tsiklakh K. Bal'monta, S. Gorodetskogo, A. Kondrat'eva [The Reconstruction of Slavic Myths in the Poetic Cycles by K. Balmont, S. Gorodetsky, A. Kondratyev]. *Filologicheskie zametki*, 2012, vol. 1, pp. 177–181. (In Russian).

6. Suslova I.B. Slavyanskiy mif v literature i iskusstve Serebryanogo veka – etiko-pedagogicheskiy ekskurs [Slavic Myth in the Literature and Art of the Silver Age-Ethical and Pedagogical Excursion]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya*, 2017, no. 1, pp. 8–14. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Bogdanova O.A. Kontsept “zemlya” v tvorchestvom soznanii F.M. Dostoevskogo i kul'turnykh deyateley Serebryanogo veka (D.S. Merezhkovskogo, A.A. Bloka, Vyach.I. Ivanova, F. Sologuba, A. Belogo, G.I. Chulkova) [The Concept “Land” in the Creative Consciousness of F.M. Dostoevsky and Cultural Figures of the Silver Age (D.S. Merezhkovsky, A.A. Blok, Vyach.I. Ivanov, F. Sologub, A. Bely, G.I. Chulkov)]. *F.M. Dostoevskiy i kul'tura Serebryanogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [F.M. Dostoevsky and Culture of the Silver Age: Traditions, Interpretations, Transformations]. Moscow, 2013, pp. 101–110. (In Russian).

8. Bogdanova O.A. Motiv “otritsaniya zemli” v kritike i proze russkikh simbolistov [Motive of “Denial of the land” in Criticism and Prose of Russian Symbolists]. *“Vechnye” syuzhety i obrazy v literature i iskusstve russkogo modernizma* [“Eternal” Subjects and Images in the Literature and Art of Russian Modernism]. Moscow, 2015, pp. 239–255. (In Russian).

9. Chulkov G.I. Dostoevskiy i sud'ba Rossii [Dostoevsky and the Fate of Russia]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 15. Saint-Petersburg, 2000, pp. 389–407. (In Russian).

10. Kartashev A.V. Sud'by “Svyatoy Rusi” [Fates of the “Holy Russia”]. *Pravoslavnyaya mysl'. Trudy Pravoslavnogo Bogoslovskogo instituta v Parizhe*. Vol. 1. Paris, 1928, pp. 134–156. (In Russian).

11. Toporkov A.L. Zemlya [Land]. *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1995, pp. 192–195. (In Russian).

12. Zakharov V.N. Pochvennichestvo v russkoy literature: metafora kak ideologema [The Desire to Soil in Russian Literature: Metaphor as an Ideologem]. *Problemy istoricheskoy poetiki. Vol. 10: Evangel'skiy tekst v russkoy literature 18–20 vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [Problems of Historical Poetics. Vol. 10: The Gospel Text in Russian Literature of the 18–20 Centuries: A Quote, a Reminiscence, a Motive, a Plot, a Genre]. Vol. 7. Petrozavodsk, 2012, pp. 14–24. (In Russian).

13. Zander L.A. Zemlya blagaya [The Good Land]. *Zander L.A. Tayna dobra (Problema dobra v tvorchestve Dostoevskogo)* [The Mystery of Good (The Problem of Good in Dostoevsky's Work)]. Frankfurt-on-Main, 1960, pp. 31–62. (In Russian).

(Monographs)

14. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, 1990. (In Russian).

15. Kartashev A.V. *Vozsozhdanie Sv. Rusi* [Recreation of Holy Russia]. Paris, 1956. (In Russian).

16. Kasatkina T.A. *O tvoryashchey prirode slova: ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova “realizma v vysshem smysle”* [On the Creative Nature of the Word: Ontology of the Word in the Works of F.M. Dostoevsky as the Basis of “Realism in the Highest Sense”]. Moscow, 2004. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

17. Kuznetsova E.V. *Mir drevnikh slavyan v kul'ture Serebryanogo veka: nauchno-filosofskaya refleksiya i khudozhestvennaya praktika* [The World of Ancient Slavs in the Culture of the Silver Age: Scientific and Philosophical Reflection and Artistic Practice]. PhD Thesis Abstract. Kirov, 2007. (In Russian).

Богданова Ольга Алимовна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник. Область научных интересов: художественная проза рубежа XIX–XX вв.; творчество и биография Ф.М. Достоевского, рецепция наследия писателя в конце XIX – начале XX вв.; история достоевсковедения; русская проза рубежа XX–XXI вв.

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Bogdanova Olga A., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Doctor of Philology, Leading Researcher. Research interests: fiction prose of the turn of 19–20 centuries; the oeuvre and biography of F.M. Dostoevsky, reception of the heritage of the writer in the late 19 – early 20 centuries; history of dostoevskian; Russian prose of the turn of 20–21 centuries.

E-mail: olgabogda@yandex.ru